

Марина Росс

Дом выходил на перекрёсток –
Туда, где плыл поток огней.
И люди шли – с работы, в гости...
А дом их ждал – большой, ничей.
Со всеми вместе снег пуховый
Тихонько шёл и исчезал
За дверью, юбилейно-новой,
Истаивал при входе в зал.
А в зале, в свете золотистом,
Текли и таяли слова,
И вдруг ворвался, будто шквал,
Внезапно звон аккордов быстрых.
Я знаю: поздно. Лучше мне бы
Забыть. И всё-таки смотрю
В глаза твои – так видит небо
Парашютист в открытый люк..

Павел Пятков

Поэт и бабы

*«Ах, как я вас, бабы, жалею...
Но что я поделат могу?»
Зорий Яхнин*

Меня ты любила всё лето,
Но волей жестокой отца
Ты выдана не за поэта,
А за замухрышку купца.
О, сколько таких же несчастных
По всей необъятной Руси...
Сочувствую вам ежечасно,
Жалею, Господь вас спаси...
А бабы – на то ведь и бабы,
Когда им совсем невтерпёж –
Приходят ко мне аж с Красраба,
С проспекта Свободного тож.
Приходят, и я – пламенею,
От сплетен людских берегу.
Ах, как я вас, бабы, жалею!..
Жаль, всех пожалеть не могу.

Примечание: Красраб и Свободный – красноярские проспекты, в данном случае аналоги Тверской улицы в Москве...

Валерий Пилипчук

Комета от нас улетает,
Свой путь заметая хвостом...
И скоро уж точкою станет,
Но всё же вернётся потом.
Быть может, не скоро вернётся
В сиянии вечности вновь.
А время... а время свернётся
В густую и чёрную кровь.

Софья Григорьева

В моих полевых дневниках и блокнотах
Меж белых страниц полыхает пожар:
Осенние листья лежат, как банкноты,
Валюта таёжная, памятный дар.
В краю, населённом бродячею кастой,
В урмане, что светом осин осиян,
Отпрыгала бойкой тропой

практикантской
Двадцатая осень, Восточный Саян.
Маршруты, пикеты, солёные трассы,
И ноги привыкли к неласке кирзы...
А жизнь семафорила жёлтым и красным
И осенепадом слетала в Кизир.
Уйду – заблужусь в забайкальских

просторах –
Тридцатую осень простором дышу.
Мне б, глядя на прочих,

солить помидоры,
А я, неумеха, всё листья сушу...

Марина Плавко

Городское лето

У меня на даче роза
Отцветает у забора,
Пауки плетут узоры,
У смородин зреют кисти,
У капусты – толще листья,
В общем, все – сплошная проза –
Брошу все, уеду в город!

Дома – смог и те же стены,
Та же проседь на проборе,
Друг опять со мною в ссоре,
Он меня три дня не видел,
Телефон молчит в обиде,
В общем, все – обыкновенно –
Брошу все, уеду к морю!

Поезда увозят души
Под размеренные стуки
От печали и от скуки –
К ярко-синему лиману,
Что расскажет без обмана
Тихим шепотом ракушек
О любви и о разлуке...

Любовь Рычкова

Эхо

Скорый поезд
в ночь уносит
от любви?
- От любви...
Я не знаю,
ожидает
что вдали?
- Что вдали...
Но я верю:
не забудешь,
милый друг!
- Милый друг...

И опять
согреет душу
нежность рук.
- Нежность рук...
Взгляд влюблённый,
словно нитью,
свяжет нас.
- Свяжет нас...
И ненужной
сразу станет
нить из фраз.
- Нить из фраз...

И опять
с тобою вместе
мы замрём.
- Мы замрём...
Ах! Какое
это счастье –
быть вдвоём!
- Быть вдвоём...
В ночь уносит
скорый поезд
от тебя?
- От тебя...
Но сердца
разлук не знают,
так любя!
- Так любя...

Светлана Ермолаева

Очнись – весна уже щебечет,
Пробилась первая трава,
А мир бормочет и лепечет:
Земля жива, и ты жива.
Очнись, уже открылись поры
Стволов корявых и ветвей,
И солнце звонко бьёт сквозь шторы
Притихшей комнаты твоей.
Тебе так трудно и так странно
Вернуться вдруг из забытья.
А мир бормочет неустанно:
«Узнай, почувствуй, это я.
Очнись теперь и будь живою,
Как шелест трав и как гроза.
Очнись – небесной синевой
Я падаю в твои глаза».

Татьяна Учеватова

* * *

Когда уйдет из жизни человек,
По-прежнему жить будут в этом мире,
И также тихо будет падать снег,
И также – свет гореть в чужих квартирах.
Жить будут и деревья, и цветы,
Смеяться – подрастающие дети,
И узнавать, как все же непросто
Все жизни на загадочной планете.
А старые и новые дома ?
А тот плетень, что показался ветхим?
Стоят себе, что лето, что зима,
Как будто и не умерли здесь предки.
Как будто и не умер человек -
По-прежнему слетаются синицы,
И также по весне растает снег,
Останется – лишь памяти страница...

Ульяна Яворская

Локоточки

Прибежала к нам Алёнка
и спросила впопыхах:
«Мама, как зовут коленки,
те, что сзади на руках?»

Непредвиденные разрушения

Внучка просит:
- Деда! Деда!
Ну, чихни ещё разок!
В прошлый раз,
Ты помнишь, где-то
Обвалился потолок!

Конопушки

У Ванюшки конопушки,
Как цветочки на опушке.
С легкой солнечной руки
На щеках цветут жарки!

Галина Бояркина

О снах, цыганах и лошадях

У озера забытого
Натянуты шатры.
Там лошади копытами
Раскапывают сны.

Дожди

Дожди тянулись и стекали,
Их привлекал окна карниз.
Они текли по вертикали
И опускались плавно вниз.

Синие сумерки

Синие сумерки.
Темный навес.
Кто ж в этом сумраке
Душу мне ест?..

Светлана Царинных

Я – белая птица, свободная птица,
Над серой землею кружусь и кружусь.
Людей вижу души, в них злоба таится...
Устала летать, а спуститься боюсь.

Мне некуда деться, мне негде укрыться,
Кругом поджидают опасность и смерть.
Я – сильная птица, я – гордая птица,
И сколько смогу, столько буду лететь.

Ольга Попова

Мы, называя именами вещи,
самых вещей не изменяем суть.
Нас время заполняет, как сосуд,
и через верх сочит, и через трещины.

Бежит, бежит, как и любые жидкости,
порочность, обнаружив тонкость стен,
но все же принимает, вместе с тем,
и формы тел, и даже формы жизни.

И вот иду, печальным и насмешливым,
иду чудным, случайным, величавым
я - временем, принявшим форму женщины,
по времени, свернувшемуся шаром.

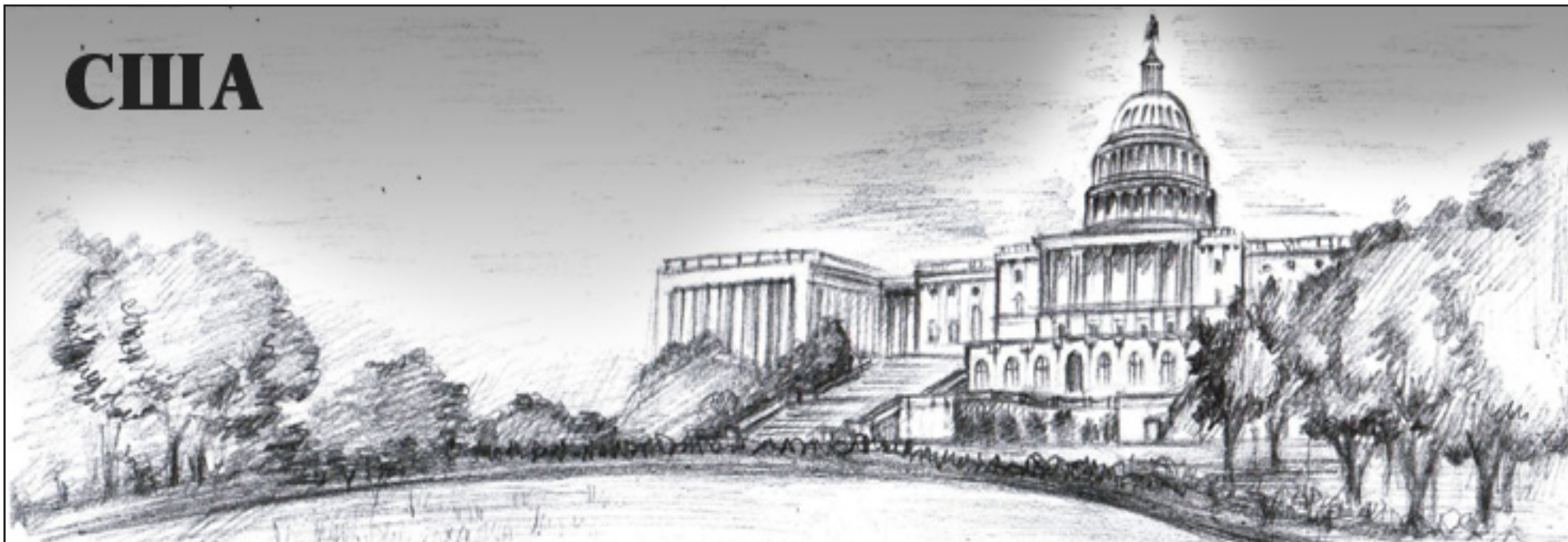

Александр Василевский

Рассвет над парящей долиной
Играет пером пелены...
Здесь горные скалы, вершины, -
Как замки былинной страны...
Здесь - будто покрыли заставы
Туманом укутанный край,
А рощи, боры и дубравы
Приветствуют утренний рай!
Сибирские пенные чащи
Пылают в пурпурных лучах...
Я - русский, а значит - пропащий,
Пропал я в таёжных лесах!
Я слился с белками Саяна,
Уснул под брусничным листом,
Я - берег бушующей Маны,
Я - камень безмолвный на нём.
Я - в капле росы, я - в дождинке,
В заре над кипящим ручьём,
Я - в каждой дорожной пылинке...
Я - русский! И это - мой дом.

Саша Василевский умер шесть лет назад, ему было чуть больше тридцати...

США

Ангел мой

*Ангел мой, пойдем со мной –
Ты предо мной, я за тобой.
Молитва*

Объ река хорошая – широкая и медленная, вода в ней чистая, посреди реки – Медвежий остров, там ежевика растет кустами, кусты колючие, а ягоды сладкие и кисленькие одновременно, рвешь с куста – не нарвешься никак. Как пройдет пароход, волна поднимается, под нее поднырнуть, сложиться калачиком и качаться, пока волна уляжется.

Раз Мона так поднырнула, сложилась, покачалась, и надо бы развернуться и воздуха глотнуть, а в это время другой катер проскочил, и волна не ослабела, а наоборот окрепла и качает, и качает, и сворачивает в калач, и бьет головой о прибрежную гальку. Вот он, воздух, рядом, а не достать, не встать на ноги. Кое-как Мона пересилила волну, перевернулась со спины на живот и встала на четвереньки, а волна подтолкнула сзади и Мона выползла на берег.

Упала и не надыхается, ах, как сладко дышать, а тут и мать идет. Увидела Мону и давай ругаться:

– Опять эта девчонка вся мокрая, ну ведь только что вытащили ее из воды и переодели! Ты почему одна на реку ходишь, сколько раз говорено, не смей одна куда ходить!

– Я и не одна вовсе, – говорит Мона, – я никогда не одна.

– Ну что ты городишь, глупая девчонка, – рассердилась мать, – вечно одна везде болтаешься – и в лесу, и на реке! Хватит, пошли домой переодеваться!

Дома Мона переоделась в сухую одежду, взяла красный бидончик с белыми горошками и пошла за молоком к корове через две улицы. Корова была очень большая, красивая и пахла сеном и молоком. Она увидела Мону, махнула хвостом и сказала:

– Привет, я уж тебя заждалась, скажи хозяйке, чтобы шла доить!

– Тетя Катя! – закричала Мона, – иди доить, я за молоком пришла!

Хозяйка вышла из летней кухни, сполоснула руки под рукомойником, взяла чистое ведро и села под корову доить. Она обмыла коровьи соски нагретой водой и вытерла марлей и начала тянуть за соски, и молоко белыми струйками ударило в ведро наискосок, и ведро зазвенело, как колокольчик.

Корова посмотрела на Мону и сказала:

– Попей свежего, полезней моего молока ничего нет.

Мона сняла с огорожи железную зеленую кружку и протянула хозяйке, и та взяла кружку и надоила в нее теплого бело-розового молока, оно пенилось, как пиво, что дед пил из бочки у вокзала, а как оно пахло – ну просто ничего так не пахнет, как парное молоко!

Мона приняла кружку, отошла в сторону, села на колоду и стала пить молоко, и не могла оторваться, пока не допила до дна. А тем временем тетя Катя надоила полное ведро и взяла Мониный бидончик, и налила до краев, и сказала:

– Готово, забирай, а деньги мать за неделю вперед заплатила.

Мона забрала бидончик и пошла домой, и внутри у нее было так тихо, так спокойно – это молоко разлилось по всему телу и наполнило его до горлышка, и залатало все, что прохудилось со вчерашней кружки, и можно было жить до следующего дня, до завтрашней кружки молока.

Дома младшая тетка ждала ее, бегая по двору от нетерпения.

– Где ты шляешься, сто лет тебя ждать! – заорала младшая тетка. Ей было уже шестнадцать лет, и кавалеры числом пятнадцать (Мона их как-то всех сосчитала для интереса) приходили даже с дальнего края деревни. Старшая тетка их не терпела и отпускала младшую тетку на гульки только с довеском, с Моной, значит.

– При ребенке они постесняются, – вычитывала старшая тетка. – А ты, Мона, смотри за ними, чтобы вели себя прилично, а если что неприличное затеют, ты сразу мне говори.

– А неприличное, это как? – прикидывалась Мона.

– Ну там целоваться станут, или еще чего делать. Да ты сама знаешь, нечего тут прикидываться, – рассердилась старшая тетка. – Они с Колькой на Медвежий затеялись ехать, так ты не отставай, смотри, ни на шаг.

– Давай, давай, пошли скорей, Коля на берегу ждет, – торопилась младшая тетка и на ходу хорошела до невозможности, томная улыбка играла на бледно-розовых губах, и светлые волосы укладывались сами собой не хуже, чем после парикмахерской, а может даже лучше, и голубые глаза смотрели ласково и обе-

щали чего-то, кому-то, но не Моне. Мона знала, что если она и получит что-то от младшей тетки, так это по шее под горячую руку.

Вот от теткиных кавалеров была большая польза – они очень интересовались теткиными передвижениями во времени и пространстве, и случайно встречали Мону на улице, и заводили с ней ласковые разговоры о том, какая хорошая девочка Мона, и вот у них есть конфеты, держи, Мона, это тебе, а ты не знаешь случайно, куда младшая тетка пошла, и какие у нее планы на вечер, не собирается ли она в клуб и вообще, она тебе что-нибудь про меня говорила?

Кавалеров было много, и Мона без конфет не сидела. Старшая тетка младшую без Моны никуда не пускала, и поэтому Мона всегда была в курсе дела и знала, что сказать кавалерам, как говорил один шпион в кино, обладала ценной информацией.

Коля, тихий темноволосый мальчик с соседней дачи, ждал на берегу возле лодки. Младшая тетка подошла, опустила глаза, поздоровалась, ну прямо как принцесса из сказки, и голос такой нежный, даже не поверишь, что это та самая тетка, вот ведь что глупость делает с человеком! Ну Коля и Коля, ничего особенного, а она-то, ну прямо Малый театр! Или уже Большой?

Сели в лодку. Коля на весла, тетка перед ним на корму, смотрят друг на друга, как будто не сегодня утром на базаре виделись, тоска прямо. Мона на носу свежие конфеты ест – поплыли на Медвежий.

Приплыли на остров, причалились. Коля лодку привязал, помог младшей тетке вылезти на берег, а уж та-то ломается, прям как мятный пряник, вроде ей без Коли и из лодки-то не выбраться, так там и останется на веки вечные. На Мону только обернулись, дескать, как ты там, не потерялась еще?

– Ну это вам маком, – думает Мона, – и не надейтесь, не потеряюсь.

Пошли гулять. Коля с младшей теткой впереди плывут, едва земли касаются, а Мона ничего себе, идет сзади и дистанцию не роняет, тем более конфеты уже кончились.

Метров сто всего и прошли, начались ежевичные кусты. Вначале-то все обобрано было, а маленько вглубь зашли, а там – кусты усыпаны фиолетовой красной ягодой, да такой крупной, что руки сами собой тянутся сорвать, а рот сам открывается, чтобы скорее да побольше съесть. Начали рвать ягоду, а вкусно, ну сил нет, как вкусно! Мона как начала есть, так и пошла за ягодой, куда она повела. Пока наелась, аж по рукам сок потек, глядь – а тетка с Колей куда-то делись.

– Надо же какие, – рассердилась Мона, – бросили ребенка! Ведь сказано,

от меня не отходить! Ладно, найду вас, никудышных!

Пошла было в одну сторону, в другую, – нет, так, однако, и заблудиться можно. Села Мона на поляне, стала слушать. В лесу солнце на деревьях играет, ветер папоротниками шуршит, птицы верещат как нанятые, рассказывают свои истории, детей учат, с соседями ругаются. Повернулась Мона налево, повернулась направо – везде жизнь кипит, оглянулась назад, а там – тихо, прислушалась – и правда тихо. Ну ясное дело, там они и есть, туда и надо идти. Повернулась Мона и пошла себе тихонько. Минут пять всего и шла. Совсем тихо впереди стало. Мона остановилась, постояла, потом раздвинула кусты перед собой и посмотрела: открылась маленькая, как ладонь, полянка. Посредине стояла младшая тетка, закрыв глаза и прижав руки к груди, а Коля стоял сзади и легонько придерживал ее руками за плечи, и целовал в шею, в маленький бугорок на том месте, где шея переходит в спину. И было так тихо вокруг них, даже ветерок прилег посмотреть, и птицы на кустах вытянули шейки и смотрели, и кто-то невидимый еще смотрел на тетку и улыбался себе в своем далеке.

Мона отпустила кусты, и они закрылись, как занавес, и она отошла тихонько по мягкой траве в сторону, и стала ждать. Сколько-то времени прошло, и тишина кончилась, и на полянке зацокала птичка, и ветер расправил перышки и задул себе помаленьку. Мона встала и закричала:

– Тетка! Коля! Где же вы? Куда подевались?

– Здесь мы, чего орешь? – ответил ангельский теткин голос, открылся занавес из кустов, и они с Колей пошли мимо Моны к лодке.

– Чего ребенка бросили, никудышние? Ищу вас, ищу, с ног сбилась, нигде нету! – прикидывалась Мона и шла за ними.

– Тебя бросишь, как же, захочешь, не потеряешь, – сердилась на что-то тетка и шла впереди всех к лодке, и влезла сама, и Коля не поспешил на помощь.

– Тоже на что-то сердится, – подумала Мона и занесла ногу в лодку. В этот момент Коля толкнул лодку, и Мона села мимо, прямо в воду. Тетка и Коля переглянулись, выдохнули воздух и с облегчением расхохотались.

– А на полянке так тихо было, – подумала Мона, – чего они сейчас так орут?

Коля помог Моне встать и подсадил в лодку, и они поплыли назад. Дома старшая тетка спросила Мону, как там чего было, и Мона рассказала ей, что все было очень даже прилично, рвали ягоду и разговаривали про школу.

– А где ягода-то? – спросила старшая тетка.

– Дак всю съели, – ответила Мона.

Нина БОЛЬШАКОВА

Эта красотка Лорочка

-Мама, ты подумай, эта красотка опять пожаловалась своей маме!
-Какая красотка?
-Ну, Лорочка. Такая маленькая, а уже жалуется. И её мама пришла и кричала на Любовь Васильевну, что она толкнула Лорочку на цементный пол. Мама, а что такое цементный пол?
-Вот такой.
-А, у нас такой в коридоре. Любовь Васильевна там толкнула Лорочку.А мама её так кричала! Любовь Васильевна сказала, спросите ребяток. А мы сказали, что не видели. А она всё равно кричала.
-А Любовь Васильевна что?
-Она молчала. Ей воспитательница сказала:
- Ты стой и молчи.
Вот она и молчала.
- А Любовь Васильевна вас бьёт?
- Да. Только, мама, я не жалуюсь, я это просто так тебе сказал. Ты не говори ничего Любови Васильевне, а то жаловаться нехорошо. Лорочка пожаловалась, а её потом Любовь Васильевна по голове набила и говорила - будешь знать, как жаловаться. И всё время её бьёт. А нас только иногда. Мама, а у змей есть ноги? Нет? А как же они ходят?

Лев БОНДАРЕВСКИЙ

Уважаемый Марк Семёнович!
Сердечно поздравляем Вас с юбилеем!

Искренне желаем Вам крепкого уральско-го здоровья, новых творческих идей, новых произведений на радость читателям! Желаем долголетия и успехов в Ваших начинаниях!

Коллектив редакции международной
литературно-публицистической газеты
«Провинциальный интеллигент 1»

Марк Луцкий

Размышление о маяках

Ах, сколько маяков
Мне в жизни повстречалось!
И каждый был готов
Мне помаячить малость.

Свинарка и пастух
Служили маяками,
Но оставался глух,
Нетронутый огнями.

Я с маяком связал
И рифы, и торосы,
Лихой девятый вал,
А мне – про опоросы!

А мне – про чабанов,
Отары и зимовки.
В маяк возводит плов
Фальсификатор ловкий.

И моря не видать –
Кругом шиши да фиги.
Повсюду тишь и гладь,
Удон и настриги.

Не стало маяков,
Пропала бригантина,
Далёких берегов
Забывтая картина.

И я в глухой тоске
Прошу: «Ну, дайте море!»
На скалах и песке
Мечтаю о просторе.

Пусть факел иль дуга
Сияют сквозь туманы,
Мне память дорога,
Она – что в сердце рана.

А коль не будет так,
Скажу морской элите:
- Я сам себе маяк
И сам себе смотритель!

Лев Бондаревский

Еврен, староверы Божьи,
Желают жить в своём скиту,
И Бог Завета им поможет
Осуществить свою мечту.

Не быть России Римом Третьим.
Рим- он и есть, тот Первый Рим.
Пока ей впору «в навьи зрети»,
Как то случилось со Вторым.

Зима, однако, на дворе-
Цветут деревья в январе.
На мандариновых цветы
Соседствуют с плодами,
И дух парфюмерной воды
Витает над садами.

Существую -вот и я!
В суете пустой и в гаме
Промежутки бытия
Заполняются стихами.

Не надо, не нуди!
Найди другие темы,
Чем беды впереди
И позади проблемы!

В дальней комнате прохладной
При закрытых жалюзи
Положи на прикроватный
Столик книжку, залож

Жёлтым высохшим листочком,
Что служил заметкой строчкам,
До которых я тогда,
В прошлой жизни, дочитал.

На границе города и леса,
На границе города и поля,
Там, где людям меньше интереса,
Там, где вдохновенью больше воли,

Там бы жить поэту надлежало,
В стороне, в покое, на отлёте,
Чтобы жизнь ему не помешала
Ничему - ни смерти, ни работе.

Нахлебником чужой страны
Живу без права на обиды,
Свои листая неликвиды,
Что тут и на дух не нужны.

Антиалкашизмы

* Вся короткая жизнь алкоголика уходит на борьбу за Несуществование.
* В фальсифицированном вине и истина ложная.
* Диоген не стал бы великим человеком, если бы лез в бутылку.
* Уровень здоровья населения снижается с увеличением количества тостов «за здоровье».
* Когда-то в бутылках обнаруживали призывы о спасении утопающих, теперь - самих утопленников.
* Круг его интересов ограничивался донышком пол-литровой бутылки.
* «Красное»,равно как и «белое», пьяница употребляет по-чёрному.
* «Культура питания»- первый шаг на пути к алкоголизму.
* Зеленый змий: «Кошелёк И жизнь!»
* Закон сообщающихся с сосудом: наливающийся -опустошается.
* Диалектическое развитие: кофе - кофе с коньяком- коньяк с кофе-коньяк без кофе.
* Всю жизнь исследовал вопрос- в каком вине больше истины.Умер от цирроза печени.
* Любовь к алкоголю отличается исключительной верностью.
* «Если бьёт,значит любит» - напиться до положения риз.
* Факир был пьян - не смог укротить Зелёного змия.
* Его минздрав предупреждал, а он «бухал» и дуба дал.
* Рацпредложение врача-гигиениста:бутылка с тремя горлышками.
* Умер ЕСТЕСТВЕННОЙ смертью - с перепоя.
* Частые возлияния сушат мозги, а подмачивают репутацию.
* Чем больше повышают градусы,тем быстрее деградируют.
* «Ну как не «обмыть» покупку новой мочалки.
* Пьянице, что день рождения, что поминки - всё в радость.
* Часто пить за здоровье - нездорово.
* Наверняка перестают быть пьяницей, став алкоголиком.
* Кредо алкоголика: «Мой дом -подворотня, моя крепость - сорок градусов».
* Пьяница - виртуальный долгожитель : в свои сорок выглядит на все сто.
* Легко отказываются от алкоголя, переходя на наркотики.
* Бросив пить и курить, рискуешь оторваться от коллектива.
* «Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт», но зато в глубокой старости.
* Если чаша заздравная,логично наполнить её фруктовым соком.

Илья ГЕРЧИКОВ

В белой комнате проснулся, в тишине.
Листья пальмовые мечутся в окне,
Значит, ветрено. Немного полежу,
На глаза ладонь от света положу.
Значит, ночь опять минула. Боже мой!
Это снова я. Проснулся я. Живой.

«Прощай, Немытая!» Когда-то
с себя я смою этот прах?
..Волна солёного наката-
не удержаться на ногах!

И плыть нельзя, и мне спасатель
Кричит сурово в мегафон,
И волны набегают сзади,
Меня выгалкивая вон.

Эта русская природа,
Эти русские поэты!
А не с Фетом ли порою
Вы встречаете рассветы?

Иль не с Майковым на воле
Пели вы, по полю мчась?
Со Случевским над Невою
Не гуляли ль, избочась?

Ах, Родина, судьбина злая!
И тут покоя не даёт,
То сны плохие насылает,
То новостями достаёт!

Вечереет.Ветер веет.
В небе звёздочки горят.
Вот Луна, а чуть правее-
То Венера, говорят.

Я Большой Медвежий ковщик
Отыскал не без труда-
Он, как и у нас, таков же,
Но повёрнут не туда.

Туманом утренним налитый,
недвижный воздух намокал
и с острых листьев эвкалиптов
скупыми каплями стекал.
Ещё насвистывают славки.
В «бейт-кнессет» двинулся еврей
(скажу для рифмы) в камилавке,
(поправлюсь: в кипе, так верней).
Спать не мешает птичий гомон,
солдатики спят, разинув рот.
Назавтра, отдохнувши дома,
возьмёт такси и вновь на фронт.

Ирина Лейшгольд

Дай мне руку твою.
Почему так смеркается быстро?
В наступающей тьме мне одной
не дойти до конца.
Стынет сердце в груди.
Смерчем вьются опавшие листья,
На студеном ветру, как ладонью,
касясь лица.
Помоги мне, мой друг,
Дай согреться осеннею лаской,
Крепче руку сожми,
Если сможешь, не дай мне уйти.
На студеном ветру
пляшут листья последнею пляской,
И погасла звезда,
что светила в начале пути.

Холодный влажный лист
погладит по щеке
И ляжет на плечо с доверчивою лаской.
Я где-то вдалеке, и в этом далеке
Осенний листопад
пригрезится мне сказкой.
Пушистая зима, алмазные снега...
Заиндевший мех вобрал тепло дыхания.
Возносит лось к луне ветвистые рога
И медленно плывет по краешку сознания.
Зима приходит в лес, рождая тишину,
Кругом покой и сон, и тени, как чернила...
А я в том далеке, коль снова не усну,
Себя уговорю, что это в сказке было.

Свеча

Я убила свечу, что горела в ночи,
Чтоб не влек никого
смутный отблеск свечи,
Чтобы путник случайный
увидеть не смог,
Как зовет и трепещет живой огонек.
Не нужна мне надежда.
На жизнь не ропщу.
Одиночество в доме своим я рашу.
А когда до краев им наполнится дом,
Не останется места мне в доме моем.
Незаметно и тихо я в нем растворюсь...
Я совсем не боюсь.Не боюсь...Не боюсь?

